

И. Ю. Суворова

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет». ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>

Н. В. Корзун

студент кафедры консультативной психологии ОАНО ВО «Московский психолого-социальный университет»

Эмпирическое обоснование трехфакторной модели потребности в принадлежности

I. Yu. Suvorova

Ph. D. (Psychology), Assistant Professor of the Department of Social Psychology of the Moscow Psychologic-social University. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3804-2129>

N. V. Korzun

Student of the Department of Consultative Psychology of the Moscow Psychologic-social University

Empirical Substantiation of the Three-factor Model of Accessories Need

В статье представлены результаты эмпирической проверки трехфакторной модели потребности в принадлежности. Работа направлена на уточнение границ феномена потребности в принадлежности в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Выделенные посредством фокус-группы и устного опроса три фактора не имеют эмпирического обоснования. Модель проверялась на базе трех групп людей, у которых по-разному сформулирована потребность в принадлежности: бездомные (12 мужчин, возраст 28–55 лет; 12 женщин, возраст 32–63 года), люди с наркотической зависимостью (2 мужчин, возраст 30 и 55 лет; 6 женщин, возраст 20–40 лет) и жертвы травли (7 женщин, возраст 31 год – 48 лет; 1 мужчина, 31 год). Их ответы сравнивались с условной нормой. Всего участников исследования – 57 человек: 34 женщины (возраст 20 лет – 63 года), 23 мужчины (возраст 26–55 лет). Выделены три независимых фактора, которые в первом приближении подтвердили теоретическую модель.

Ключевые слова: теория самодетерминации, базовые психологические потребности, потребность в принадлежности, проверка модели, факторный анализ.

Теория самодетерминации и личностной автономии Э. Деси и Р. Райана [6], выделившая «принадлежность» как одну из базовых потребностей индивида, сформировалась в 70-х годах прошлого века как теория, оппонирующая бихевиористским моделям детерминации поведения. В соответствии с последними поведение детерминировано извне и определяется привлекательностью цели. Согласно же теории самодетерминации, человек изначально самодетерминирован, его поведение определяется внутренними мотивами, в основе которых лежат базовые

психологические потребности. Э. Деси и Р. Райаном были выделены три базовые психологические потребности: в автономии, компетенции и принадлежности (иногда переводимой как связанность) [6]. Теория базовых психологических потребностей, одна из пяти мини-теорий теории самодетерминации, легла в основу одноименного опросника «Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» (General Scale of Basic Psychological Needs Satisfaction), адаптированного на русский язык И. Ю. Суворовой, Н. В. Корзуном и А. А. Бабий [9].

Адаптация опросника на русский язык показала, что шкала принадлежности, в отличие от шкал автономии и компетентности, имеет наибольшую дисперсию и сравнительно низкие показатели ретестовой надежности. Это означает, что респонденты слишком по-разному интерпретировали вопросы.

Теоретический анализ феномена принадлежности и сопровождающее его исследование понимания феномена принадлежности русскоговорящей группой (метод фокус-группы [2]) подтвердили, что содержание понятия не является однозначным и может быть истолковано в трех достаточно расходящихся друг с другом смыслах.

1. Наличие социальных контактов — одиночество.
2. Вовлеченность (быть в потоке) — отчужденность.
3. Ощущение полноты и целостности — пустота.

По результатам последующего опроса к полученным темам были добавлены темы романтических (диадных) отношений и зависимости. В результате три исходных параметра были дополнены еще двумя: принадлежность к группе — отчужденность; близость (безопасность) — зависимость (обладание). В результате последующего анализа литературы выявленные пять факторов были сведены к трем: принадлежность самому себе, принадлежность диаде, принадлежность социальной группе. Теоретический анализ выделенных с помощью первичного исследования факторов потребности в принадлежности позволил построить следующую трехфакторную модель (рис. 1).

На рисунке 1 такие факторы, как «ощущение полноты и целостности — пустота» и «вовлеченность (быть в потоке) — отчужденность» объединяются как принадлежность самому себе. Ощущение полноты и целостности, а также увлеченность чем-то возможны, если человек аутентичен сам себе и выбранное им дело отражает его стремления [6]. «Близость — зависимость» понимается как принадлежность диаде. Если потребность в близости не удовлетворена, есть риск развития зависимых отношений [12]. Наконец, «принадлежность к группе — отчужденность» и «наличие социальных контактов — одиночество» соответствуют принадлежности к группе. Данная трехфакторная модель принадлежности нуждается в эмпирической проверке. Следовательно, **цель** данной работы заключается в эмпирическом обосновании выделенных факторов.

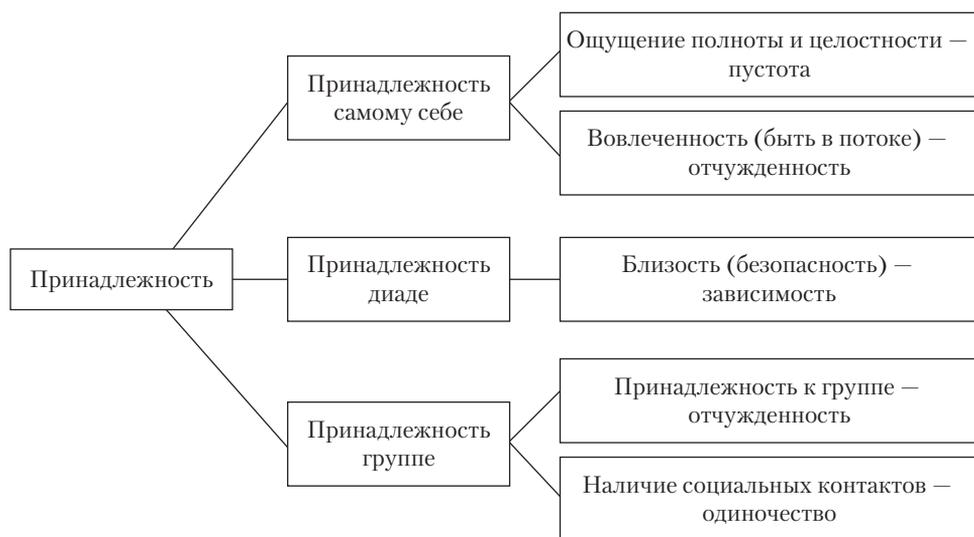

Рис. 1. Теоретическая трехфакторная модель базовой потребности в принадлежности

Гипотеза: факторный анализ феноменов принадлежности приводит к выделению трех факторов, по содержанию отвечающих принадлежности к себе, принадлежности диадическим отношениям и принадлежности группе.

Феномены принадлежности были представлены вопросами, отражающими каждую из пяти составляющих принадлежности в теоретической модели (рис. 1): ощущение полноты и целостности — пустота, вовлеченность (быть в потоке) — отчужденность, близость (безопасность) — зависимость; принадлежность к группе — изоляция; наличие социальных контактов — одиночество. К каждому виду принадлежности было составлено по 20–25 вопросов. Всего составлено 109 вопросов. Ответы распределялись по 7-балльной шкале Лайкерта (приложение 1).

Выборка. В исследовании приняли участие 57 человек: 34 женщины (возраст от 20 до 63 лет), 23 мужчины (возраст от 26 до 55 лет).

Выборка строилась так, чтобы затронуть все аспекты феномена принадлежности-экслюзии, описанные в теоретической модели: принадлежность самому себе, принадлежность диаде, принадлежность группе. Были выделены три экспериментальные и одна контрольная группа.

1. Правомерность выделения параметра «отчуждение от группы» проверялась на группе бездомных (24 человека: 12 мужчин, возраст 28–55 лет, и 12 женщин, возраст 32–63 года). По результатам исследования И. Ю. Суворовой [7] в нарративах этой группы прослеживается переживание исключения из системы социальных отношений.

2. Отчужденность от самого себя — группа «Наркозависимые». Согласно ряду психологических теорий, зависимость является следствием

внутренней пустоты. Так, согласно теории привязанности Дж. Боулби [12], любая зависимость является следствием отсутствия прочной связи между младенцем и значимым другим, что приводит к нарушению «Я»: несформированности его границ, желаний, чувства его реальности и наполненности [1; 11].

3. Такая подгруппа, как жертвы травли, не формировалась самостоятельно. В каждой из анкет был вопрос, подвергался ли человек травле. В результате травле подвергались 38 человек из 57 (67 %), среди них бездомных 100 % и людей с наркотической зависимостью 77 %. В результате в данную группу вошли семь женщин (возраст от 31 года до 48 лет) и один мужчина (31 год).

4. Последняя группа «условная норма» представлена 8 мужчинами (возраст от 26 до 49 лет) и 8 женщинами (возраст от 32 до 46 лет). Все респонденты представляют группу социально-адаптивных, достаточно успешных, работающих, материально обеспеченных с высшим образованием людей.

Результаты диагностики анализировались с помощью IBM SSPS 23.

Описание и анализ результатов

Отбор феноменов принадлежности-экслюзии, наиболее емко описывающий принадлежность, формировался путем отбора вопросов, показывающих максимальные различия между нормой и каждой из трех экспериментальных выборок с помощью критерия U Манна – Уитни.

При вычислении различий между условной нормой и наркозависимыми были отобраны девять вопросов (табл. 1).

Таблица 1

Утверждения, отражающие различия между группами «Норма» и «Наркозависимые»

Феномен принадлежности	Уровень значимости, p
<i>Мне кажется, я всегда знал, кто я и чего хочу от жизни</i>	0,015
Меня тяготит одиночество	0,013
Не люблю выходные и праздники. На них я всегда остаюсь один	0,026
<i>Стремлюсь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии</i>	0,020
Мне нравится знакомиться с новыми людьми	0,029
Я чувствую беспокойство, когда остаюсь в одиночестве	0,005
Всегда стараюсь понять, как вести себя в группе, чтобы не отличаться от других	0,045
Когда-нибудь я обязательно найду себя	0,012
Я не рассказываю никому о том, что чувствую на самом деле	0,041

Из отобранных феноменов складывается портрет потерявшегося человека, причем потерявшегося не только для других, но и для себя, на что указывают пункты «*мне кажется, я всегда знал, кто я и чего хочу от жизни*» как отсутствующая характеристика и «*когда-нибудь я обязательно найду себя*» как присутствующая у данной выборки. Наши результаты сочетаются с результатами других исследований. Так, И. А. Зражевская описывает наркоманию как «болезнь заторможенных чувств» (Зражевская и др., 2018), когда человек теряет контакт с собой [3]. ТАСС приводит нарратив человека, страдающего наркотической зависимостью, в статье от 21 июня 2021 года (<https://tass.ru/obschestvo/11724541>). Ниже приведен фрагмент истории:

«В итоге... у меня уже не было работы, эмоционально подавлен. Были мысли: зачем мне вообще жить, если я ничего не смогу добиться уже, я ведь был на реабилитации, и что сейчас? <...> Я понимаю, что сам как личность не смогу подняться вверх, моя трезвость не состоится без работы над собой и помощи. Для меня остаться одному — то же самое, что прийти вновь к употреблению».

В отрывке также говорится о бессмысленности жизни, невозможности найти себя и страхе одиночества.

Сопоставление условной нормы и бездомных дало четыре утверждения (табл. 2).

Таблица 2

Утверждения, отражающие различия между группами «Норма» и «Бездомные»

Утверждения	Уровень значимости, р
Не люблю выходные и праздники. На них я всегда остаюсь один	0,01
Если мне нужна будет помощь, мне всегда есть к кому обратиться	0,031
Я являюсь частью нескольких сообществ	0,011
Причастность к группе меня обогащает	0,029

Все четыре утверждения объединяет одиночество и исключение из социальной системы. Чувство выброшенности на периферию социальной системы как основополагающее у данной социальной группы можно проследить в интервью с бездомным, опубликованным на портале «Проза.ру» (<https://proza.ru/2016/07/31/868>, дата обращения: 24.12.2022), фрагмент которого приведен ниже.

«Я, питающийся с помойки человек, который растерял свою жизнь по закоулкам родного города. Я, человек, который потерял семью, свой дом и работу и теперь вынужденный выглядеть в глазах других словно

падалю. Жизнь бьет меня. Жестко бьет. Но я уже не против этого, я смирился, привык. <...> Я всегда был далек от философских рассуждений и психологии, поэтому кроме как алкоголем заглушить боль внутри никак не знал. <...> Поэтому я пил и пил, пил и пил. Я не то чтобы не мог остановиться. Я очень боялся остановки».

К сожалению, отобранные четыре вопроса не передают всего ужаса, переживаемого человеком, исключенным из социальной группы. Если отчуждение от себя переживается как бессмысленность жизни, пустота и мысли о самоубийстве, то исключение из системы ощущается как ужас и страх смерти.

При вычислении различий между условной нормой и жертвами травли были отобраны следующие вопросы (табл. 3).

Таблица 3

**Утверждения, отражающие различия между группами
«Норма» и «Жертвы травли»**

Утверждения	Уровень значимости, р
<i>Мне кажется, я всегда знал, кто я и чего хочу от жизни</i>	0,034
Я чувствую внутреннюю пустоту	0,020
Мне интересно жить	0,031
<i>Стремясь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии</i>	0,029
Про себя могу сказать, что у меня нет друзей	0,005
Я постоянно ищу себя, но не могу найти	0,039
Я ревную близких мне людей к окружающим	0,039
Я принадлежу к такому типу людей, которые пренебрегают мнением других	0,046

Здесь наблюдается как внутренняя пустота, так и исключение из группы, обнаруженные в группах зависимых и бездомных. Однако все же большая часть утверждений указывает на отсутствие доверительных отношений: «Про себя могу сказать, что у меня нет друзей», «Я ревную близких мне людей к окружающим», «Я принадлежу к такому типу людей, которые пренебрегают мнением других». В нарративе жертвы школьной травли, приведенном в электронной газете «Такие дела» от 5 сентября 2022 года (<https://takiedela.ru/2022/09/vsem-bylo-vse-ravno>, дата обращения: 25.12.2022), также можно заметить отсутствие близкого понимающего и поддерживающего человека.

«С самого начала первого класса ко мне начались придирки из-за моей хорошей учебы, из-за того, что я всегда выглядела с иголкой и отвечала на уроках. Это раздражало детей, это раздражало родителей детей. <...> Все началось с оскорблений и перешло в нечто большее. У меня начали красть канцелярку, отбирать пенал. В третьем

классе мне сломали нос — одноклассники кинули баскетбольный мяч мне в лицо, все смеялись. Администрация никак не разбиралась, всем было все равно. <...> Поддержки у меня не было. У меня была подруга, но во время того, как меня травили, она просто молчала. Она сама меня не трогала, и это уже было отлично. Мама не знала — я никому не рассказывала».

Фраза «Всем было все равно» прошла красной нитью по всем представленным нарративам. Отсутствие человека, способного увидеть чужую боль, заступиться или хотя бы разделить весь ужас происходящего, является самой большой болью жертв травли.

Несмотря на то что 100 % бездомных заявили об опыте травли, пересечения вопросов были обнаружены между жертвами травли и наркозависимыми по двум утверждениям: «Мне кажется, я всегда знал, кто я и чего хочу от жизни» и «Стремясь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии», в которых отражены проблемы отчуждения от себя и от группы. Когда человек отвечает отрицательно на первое утверждение, он демонстрирует конформное или зависимое поведение, так как он не может дать себе отчет о том, что с ним происходит, каковы его истинные желание или интересы. Отвечая положительно на второе утверждение, человек говорит о том, что он не может включиться в группу, приняв ее нормы и цели групповых действий. Он вне потока, как бы не один, но и не вместе. Обе группы, «Наркозависимые» и «Жертвы травли», характеризуются неспособностью принять как свои потребности быть самим собой, так и групповые потребности, в которых член группы участвует и несет за них ответственность.

Таким образом, всего было отобрано 19 вопросов, которые с помощью факторного анализа (метод главных компонент с последующим Varimax-вращением) были распределены по трем факторам (табл. 4).

Таблица 4

Распределение дифференцирующих группы утверждений по факторам

Утверждения	Факторные нагрузки		
	I фактор	II фактор	III фактор
1. Мне кажется, я всегда знал, кто я и чего хочу от жизни	0,466		
2. Меня тяготит одиночество			0,633
3. Стремясь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии		0,708	
4. Мне нравится знакомиться с новыми людьми		0,629	
5. Я чувствую беспокойство, когда остаюсь в одиночестве	0,587		

Утверждения	Факторные нагрузки		
	I фактор	II фактор	III фактор
6. Всегда стараюсь понять, как вести себя в группе, чтобы не отличаться от других		0,306	
7. Когда-нибудь я обязательно найду себя	0,560		
8. Я не рассказываю никому о том, что чувствую на самом деле		-0,355	
9. Во мне много противоречий	0,574		
10. Не люблю выходные и праздники. На них я всегда остаюсь один			0,475
11. Если мне нужна будет помощь, мне всегда есть к кому обратиться		-0,613	
12. Я являюсь частью нескольких сообществ		0,675	
13. Я чувствую себя белой вороной	0,606		
14. Я чувствую внутреннюю пустоту	0,845		
15. Мне интересно жить	-0,532		
16. Про себя могу сказать, что у меня нет друзей		0,623	
17. Я постоянно ищу себя, но не могу найти	0,756		
18. Я ревную близких мне людей к окружающим			0,189
19. Я принадлежу к такому типу людей, которые пренебрегают мнением других			0,255

В результате были сформированы следующие три фактора, различающиеся по направленности потребности в принадлежности.

I фактор включает в себя восемь утверждений и отражает принадлежность самому себе:

1. Я чувствую беспокойство, когда остаюсь в одиночестве.
2. Когда-нибудь я обязательно найду себя.
3. Во мне много противоречий.
4. Мне кажется, я всегда знал, кто я и чего хочу от жизни.
5. Я чувствую себя белой вороной.
6. Я чувствую внутреннюю пустоту.
7. Мне интересно жить.
8. Я постоянно ищу себя, но не могу найти.

II фактор включает семь утверждений, объединенных как принадлежность к группе.

1. Мне нравится знакомиться с новыми людьми.
2. Я не рассказываю никому о том, что чувствую на самом деле.
3. Я являюсь частью нескольких сообществ.
4. Про себя могу сказать, что у меня нет друзей.

5. Если мне нужна будет помощь, мне всегда есть к кому обратиться.

6. Всегда стараюсь понять, как вести себя в группе, чтобы не отличаться от других.

7. Стремюсь быть частью группы, я всегда как будто нахожусь на ее периферии.

В III фактор попали всего четыре утверждения:

1. Меня тяготит одиночество.

2. Не люблю выходные и праздники. На них я всегда остаюсь один.

3. Я ревную близких мне людей к окружающим.

4. Я принадлежу к такому типу людей, которые пренебрегают мнением других.

Из-за того, что в фактор попало всего четыре утверждения, мы решили добавить еще два подходящих по смыслу:

5. Если бы у меня был кто-то, кто принял бы меня со всеми моими недостатками, я был бы по-настоящему счастлив.

6. Могу сказать, что я нашел «своего» человека.

Таким образом, трехфакторная модель потребности в принадлежности принимает следующий вид (рис. 2).

Представленная на рисунке 2 трехфакторная модель, подтвержденная эмпирически, описывает три аспекта принадлежности: принадлежность себе, принадлежность диадическим отношениям и принадлежность группе. Принадлежность себе понимается как аутентичность самому себе, чувство полноты жизни. Согласно Д. Винникотту [17], мы уже рождаемся с целостным и недифференцированным ощущением «Я». Позже эта структура не дифференцируется, но остается условием для дифференциации последующих переживаний «Я». Это центральное «Я», в некоторой литературе называемое «изолят» [16], содержит в себе ощущение непрерывности бытия, свои собственные способы и темп построения личной психической реальности и схемы тела. Последующая дифференциация своих ощущений, мотивов, возможность чего-то желать, стремление чего-то добиваться возможны, если другой обеспечивает непрерывность ощущения бытия. Другими словами, если значимый Другой достаточно чутко улавливает потребности «Я» и удовлетворяет их. В противном случае дальнейшее развитие «Я» будет фрагментарным, а потребности не смогут быть распознанными и преобразованными в мотивы [2]. Гораздо реже пишут о роли Другого в формировании полноты и целостности «Я» во взрослом возрасте, где в качестве Другого выступает не заботящийся взрослый, а общество. Общество является той реальностью, в которой мы опредмечиваем свои потребности, определяем свое социальное «Я». Невозможность удовлетворить свои потребности приводит к отчуждению и разрушению социального «Я» [7].

Рис. 2. Эмпирическая модель базовой потребности в принадлежности

Принадлежность диадическим отношениям и принадлежность социальной группе неразрывно связаны с принадлежностью себе, а также друг с другом: во многих исследованиях (Krieg, Dickie, 2013; Hattori, 2006) было доказано, что отсутствие надежной привязанности к значимому Другому влечет за собой недоверие к миру в целом и социальную изоляцию. Нарушение принадлежности к диадическим отношениям приводит либо к изоляции (если вместо здоровой привязанности была сформирована избегающая), либо к зависимым отношениям в случае амбивалентной привязанности [12]. Здоровая же привязанность предполагает близость — глубокие безопасные отношения, необходимые для переживания счастья и развития «Я».

Может показаться, что принадлежность к группе затрагивает более поверхностные структуры психики, нежели принадлежность к диаде. С одной стороны, так и есть. С другой — через принадлежность к социальной системе мы строим свое социальное «Я», структуру, через которую определяем себя в системе социальных отношений — той самой реальности, в которой протекает наша жизнь. Отчужденность от социальных контактов и одиночество сравнимы с так называемой социальной смертью.

Несмотря на то что полученные эмпирические данные подтвердили теоретическую модель, она нуждается в верификации с помощью моделирования структурными уравнениями (structural equations modelling — SEM). Однако для этого необходимо увеличить выборку.

Заключение

Статья посвящена эмпирической проверке трехфакторной модели принадлежности: принадлежность себе самому, принадлежность группе и принадлежность диадическим отношениям. Факторный анализ эмпирической матрицы, составленной по результатам опроса по 109 утверждениям, показал обоснованность теоретической трехфакторной модели базовой потребности в принадлежности.

Небольшая выборка (57 человек), в которой представители условно благополучной части общества (социально адаптированные, успешные, материально состоявшиеся) составляют меньшинство (16 человек), говорит о возможности ошибки в оценках и интерпретации. Существенное увеличение выборки и ее нормализация (пол, возраст и пр.) позволят уточнить результаты. Тем не менее можно считать предложенную модель как отражающую реальный феномен. Дальнейшая проверка выделенных факторов на валидность и надежность позволит подготовить шкалу «принадлежность-экслюзия».

The article presents the results of an empirical test of the three-factor model of the need for belonging. The work is aimed at clarifying the boundaries of the phenomenon of the need for belonging in the theory of self-determination by E. Deci and R. Ryan. The three factors identified through the focus group and oral survey have no empirical justification. The model

was tested on the basis of three groups of people who have differently frustrated need for belonging: the homeless (12 men (age: 28–55 years), 12 women (age: 32–63), people with drug addiction (2 men (age: 30 and 55 years old), 6 women (age 20–40 years old) and bullying victims (7 women (age 31–48 years old) and one man (31 years old). Their answers were compared with the conditional norm. Total study participants – 57 people: 34 women (age 2063 years), 23 men (age 2655 years). Three independent factors were identified, which, in the first approximation, confirmed the theoretical model.

Keywords: need for belonging, belonging phenomenon model, three factors of belonging.

Список литературы

1. Багринцева М. Проблемы буллинга глазами подростков нашей школы / М. Багринцева // Культура общения и ее формирование. – Воронеж, 2018. – С. 106–108.

Bagrintseva M. Problemy bullinga glazami podrostkov nashei shkoly / M. Bagrintseva // Kul'tura obshcheniya i ee formirovanie. – Voronezh, 2018. – S. 106–108.

2. Винникотт Д. В. Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникотт ; пер. с англ. Н. М. Падалко. – Москва : Независимая фирма Класс, 1998. – 80 с.

Vinnikott D. V. Malen'kie deti i ikh materi / D. V. Vinnikott ; per. s angl. N. M. Padalko. – Moskva : Nezavisimaya firma Klass, 1998. – 80 s.

3. Выявление гипомании у реабилитантов в негосударственных центрах социальной реабилитации для зависимых от психоактивных веществ / И. А. Зражевская, О. В. Мурзина-Толорая, Э. О. Топка, А. С. Березкин // Вестник последиplomного медицинского образования. – 2018. – № 4. – С. 96–99.

Vyavlenie gipomanii u rehabilitantov v negosudarstvennykh tsentrakh sotsial'noi rehabilitatsii dlya zavisimykh ot psikhoaktivnykh veshchestv / I. A. Zrazhevskaya, O. V. Murzina-Toloraya, E. O. Topka, A. S. Berezkin // Vestnik poslediplomnogo meditsinskogo obrazovaniya. – 2018. – № 4. – S. 96–99.

4. Гарифуллин Р. Р. Психологические особенности наркоманов периода взросления (опыт комплексного экспериментально-психологического исследования) / Р. Р. Гарифуллин. – Самара : Изд-во Самар. ун-та, 1998. – 201 с.

Garifullin R. R. Psikhologicheskie osobennosti narkomanov perioda vzrosleniya (opyt kompleksnogo eksperimental'no-psikhologicheskogo issledovaniya) / R. R. Garifullin. – Samara : Izd-vo Samar. un-ta, 1998. – 201 s.

5. Жирар Р. Козел отпущения / Р. Жирар : пер. с фр. Г. Дашевского. – Санкт-Петербург : Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 336 с.

Zhirar R. Kozel otpushcheniya / R. Zhirar : per. s fr. G. Dashevskogo. – Sankt-Peterburg : Izd-vo Ivana Limbakha, 2010. – 336 s.

6. Корзун В. Н. Определение границ феномена базовой психологической потребности в принадлежности / В. Н. Корзун, И. Ю. Суворова // Актуальные проблемы психологического знания. – 2022. – Т. 2, № 59. – С. 28–38. – DOI: 10.51944/20738544_2022_2_28

Korzun V. N. Opredelenie granits fenomena bazovoi psikhologicheskoi potrebnosti v prinadlezhnosti / V. N. Korzun, I. Yu. Suvorova // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. – 2022. – T. 2, № 59. – S. 28–38. – DOI: 10.51944/20738544_2022_2_28

7. Суворова И. Ю. Нарушение структуры социальной идентичности в результате социальной эксклюзии // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 34–55.

Suvorova I. Yu. Narushenie struktury sotsial'noi identichnosti v rezul'tate sotsial'noi eksklyuzii // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. – 2016. – T. 7, № 4. – S. 34–55.

8. Суворова И. Ю. Разработка пробной версии опросника на определение переживания исключения из социальной системы / И. Ю. Суворова // Социальная психология и общество. – 2016. – Т. 7, № 4. – С. 132–146.

Suvorova I. Yu. Razrabotka probnoi versii oprosnika na opredelenie perezhivaniya isklyucheniya iz sotsial'noi sistemy / I. Yu. Suvorova // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. — 2016. — Т. 7, № 4. — С. 132–146.

9. *Суворова И. Ю.* Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей Э. Деси и Р. Райана / И. Ю. Суворова, А. А. Бабий, Н. В. Корзун // Актуальные проблемы психологического знания. — 2021. — № 1–2. — С. 55–66.

Suvorova I. Yu. Adaptatsiya obshchei shkaly udovletvoreniya bazovykh psikhologicheskikh potrebnosti E. Desi i R. Raiana / I. Yu. Suvorova, A. A. Babii, N. V. Korzun // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. — 2021. — № 1–2. — С. 55–66.

10. *Токарева Ю. А.* Структурно-функциональный анализ отношения к другому при пограничном личностном расстройстве / Ю. А. Токарева, О. А. Потапов, В. А. Якушева // Актуальные вопросы современной науки и образования : сборник статей Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 5 января 2020 г.). — Пенза, 2020. — С. 250–253.

Tokareva Yu. A. Strukturno-funktsional'nyi analiz otnosheniya k drugomu pri pogranichnom lichnostnom rasstroistve / Yu. A. Tokareva, O. A. Potapov, V. A. Yakusheva // Aktual'nye voprosy sovremennoi nauki i obrazovaniya : sbornik statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Penza, 5 yanvarya 2020 g.). — Penza, 2020. — С. 250–253.

11. *Blatt S. J.* Levels of object representation in anaclitic and introjective depression / S. J. Blatt // Psychoanalytic Study of the Child. — 1974. — Vol. 29. — P. 107–157.

12. *Bowlby J.* Separation anxiety / J. Bowlby // The International Journal of Psychoanalysis. — 1960. — Vol. 41. — P. 89–113.

13. *Hattori Y.* Social withdrawal in Japanese youth: a case study of thirty-five hikikomori clients / Y. Hattori // Journal of Trauma Practice. — 2006. — Vol. 4, No. 3–4. — P. 181–201.

14. *Krieg A.* Attachment and hikikomori: A psychosocial developmental model / A. Krieg, J. R. Dickie // International Journal of Social Psychiatry. — 2013. — Vol. 59, No. 1. — P. 61–72.

15. *Olweus D.* Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes // K. H. Rubin, J.H.B. Asendort (eds). Social withdrawal, inhibition, and shyness. — Hillsdale, NJ : Erlbaum, 1993. — P. 315–341.

16. *Williams P.* Isolation / P. Williams // Psychoanalytic Dialogues. — 2019. — Vol. 29, No. 1. — P. 1–12.

17. *Winnicott D. W.* Dependence in infant care, in child care, and in the psycho-analytic setting / D. W. Winnicott // International Journal of Psycho-Analysis. — 1963. — Vol. 44. — P. 339–344.